

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сорокин С.А. Проблемы взаимоотношений власти и научной интеллигенции в Чехословакии в контексте событий Пражской весны // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.75805 EDN: ZAJBCF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75805

Проблемы взаимоотношений власти и научной интеллигенции в Чехословакии в контексте событий Пражской весны

Сорокин Сергей Алексеевич

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

127411, Россия, г. Москва, Дмитровский р-н, ул. Яхромская, д. 6, кв. 129

✉ sorokin1998-28@mail.ru

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.75805

EDN:

ZAJBCF

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: Предметом исследования являются стратегии поведения и взаимоотношения научной интеллигенции ЧССР с государственной властью после "Пражской весны". Объектом исследования является политическая и общественная жизнь Чехословакии в период после 1968 года (эпоха "нормализации"). Статья посвящена анализу сложных и многогранных взаимоотношений между властью и научной интеллигенцией Чехословакии после подавления «Пражской весны» в 1968 году. Основное внимание уделяется трансформации научного сообщества из лояльного или аполитичного в оппозиционное по отношению к просоветскому режиму Густава Гусака в ходе процесса «нормализации». Автор выделяет и подробно рассматривает три основные поведенческие стратегии, которые использовала интеллигенция для

адаптации к новым политическим реалиям: Организованное сопротивление и диссидентство, эмиграция, внутренняя эмиграция («молчание»). Методология статьи представляет собой комплексный междисциплинарный подход, сочетающий методы исторической науки (генетический, сравнительный, биографический) с подходами социологии (анализ социальных групп и стратегий выживания), а также политологии (изучение взаимодействия общества и власти). Эмпирической базой для применения этих методов послужил широкий круг первоисточников и научной литературы. Научная новизна данной работы заключается в систематизации, комплексном анализе и акценте на конкретные аспекты взаимоотношений власти и научной интеллигенции после Пражской весны. Комплексный анализ поведенческих стратегий. Автор не просто констатирует факт репрессий, а предлагает четкую и структурированную типологию реакций научной интеллигенции (сопротивление, эмиграция, «молчание»). Конкретизация предмета исследования через «человеческое измерение». Новизна заключается в фокусе на судьбах конкретных ученых (Гаек, Шимечка, Яноух, Шик, Кольман, Грох и др.). Через их биографии, мотивацию и идеиную эволюцию раскрываются общие процессы. Акцент на идеологической трансформации. Автор подробно показывает, как разочарование в «социализме с человеческим лицом» к сложному переосмыслению основ марксизма и социалистической теории. Это показывает интеллектуальную глубину оппозиционного движения. Автор утверждает, что взаимоотношения власти и научной интеллигенции в период «нормализации» были трагическим противостоянием. Не сумев полностью искоренить инакомыслие интеллигенции, режим лишь подготовил почву для своего будущего поражения, а научное сообщество, пройдя через испытания, сохранило себя для будущего возрождения чехословацкой науки и демократии.

Ключевые слова:

Пражская весна, Нормализация, Научная интеллигенция, Чехословакия, Диссидентское движение, Хартия-77, Самиздат, Эмиграция, Стратегии поведения, Идеологическая эволюция

Ввод советских войск в Чехословакию в августе 1968 года оказал глубокое травмирующее воздействие на научное сообщество страны. Значительная его часть, сознательно вступившая в ряды Коммунистической партии Чехословакии или изначально лояльная к ней, и даже совсем аполитичная, не включенная в общественную жизнь, а лишь наблюдающая за переменами, начала постепенно трансформироваться в оппозицию по отношению к курсу, проводимому новыми властями ЧССР и руководством СССР [2, с. 23]. В данном контексте под оппозицией понимается широкий круг лиц, не принявших ввод войск стран Варшавского договора в августе 1968 г. и выступивших против вмешательства во внутренние дела суверенного государства, даже если их протест был пассивным, не носил публичного характера.

Исследователи выделяют несколько этапов процесса наступившей «нормализации». Так, период с конца августа 1968 года до апрельского пленума ЦК КПЧ 1969 года можно охарактеризовать как «мягкую нормализацию», когда сторонники реформ Пражской весны еще действовали легально, несмотря на начавшиеся репрессии против наиболее активных участников манифестаций, представителей начавшего свое формирование движения диссидентов [2, с. 23].

Первыми, кто попытался выступить организованно, были студенты, начав трехдневную забастовку 19 ноября 1968 г. как противодействие по отношению к официальной политике уступок со стороны властей и усиливающему давлению со стороны СССР. В основе их программного заявления лежало требования возврата к политике реформ и защиты прав человека. В декабре сторонники левых настроений - группа студентов Философского факультета Карлова университета, подготовили манифест «Движения революционной молодежи» («Hnutí revoluční mládeže»). Они основали Историко-социологический клуб - HISOF, издававший листовки и прокламации, с призывами к выступлению против политического курса властей, а затем перешли к нелегальным формам борьбы. Члены этой группы были первыми, кто был арестован в декабре 1969 г. Судебный процесс над ними был также первым крупным политическим процессом после августа 1968 г., а участники приговорены к реальным срокам заключения (Так, Ян Фролик провел в нем 2 года) [\[8, с. 168\]](#).

Приход к власти Густава Гусака (он был избран первым секретарем Центрального комитета КПЧ 17 апреля 1969 г.) ознаменовал переход к жёсткому курсу, вынудившему часть оппозиционно настроенной интеллигенции уйти в подполье, часть эмигрировать или полностью отказаться от политической деятельности [\[2, с. 23\]](#).

Важным фактором стала предыдущая практика нелегальной работы, полученная наиболее активными представителями левой интеллигенции в годы антинацистского Сопротивления. Теперь эти методы были направлены против обновлённой КПЧ, ставшей инструментом реализации политики Москвы. Власти, в свою очередь, использовали не только методы преследования неугодных, но и экономические рычаги влияния, обеспечивая рост уровня жизни населения при поддержке СССР, что в значительной степени нивелировало протестный потенциал широких масс [\[5, с. 695\]](#).

В этих условиях ядро оппозиции сформировали интеллектуалы, включившиеся в процесс преобразований во второй половине 1960-х годов. Для них новый режим был неприемлем, а потеря профессионального статуса и возможности реализовать себя, занимаясь наукой, делала их невосприимчивыми к материальным компенсациям со стороны власти. Репрессии затронули целые научные направления: были ликвидированы институты, уволены или вынуждены уйти с работы сотни преподавателей и исследователей [\[5, с. 695\]](#).

Ярким примером служит судьба группы историков, многие из которых были осуждены на реальные сроки заключения (Ян Тесар на 6 лет, Милан Гюбл на 5 с половиной лет, Ярослав Мезник на 3 года, К. Каплан и др.), [\[5, с. 695\]](#). Труды «неблагонадёжных» учёных изымались из библиотек и помещались в специальные хранилища, а официальная критика сводилась к конструированию мифа об «историографической контрреволюции» [\[5, с. 701\]](#). Многие высококвалифицированные специалисты были вынуждены работать кочегарами, сторожами, строителями или выполнять вспомогательную работу в архивах [\[5, с. 703\]](#).

Попытки открытого сопротивления, такие как распространение в мае 1969 года манифеста «Не смеем молчать!», уже не могли изменить ситуацию. Это осознавала и сама оппозиция, начинавшая поиск новых, подпольных форм борьбы. Разочарование в «охранителях социализма» привело к идеологической эволюции: часть интеллигенции стала переходить от лозунгов «Пражской весны» к общедемократическим требованиям.

Ключевую роль в этом процессе сыграли «самиздат» и «тамиздат», получившие активное

развитие в начале 1970-х гг. Они предоставили возможность для нелегальной публикации научных и публицистических работ [\[5, с. 704\]](#). Значительное число учёных эмигрировало, но продолжало поддерживать связь с коллегами на родине, публикуясь в эмигрантских сборниках, которые нелегально распространялись в ЧССР [\[5, с. 704\]](#). Эмигрантские издательства обеспечивали не только интеллектуальный обмен, но и финансовую поддержку оставшимся в стране коллегам.

Следует уточнить, что для научной интеллигенции ЧССР были характерны три основные поведенческие стратегии в период от 1969 года до появления декларации «Хартия 77»: переход от протестных акций к организованному политическому движению, эмиграция и вынужденное принятие условий режима («молчание»).

События осени 1968 г. в Чехословакии означала не только крах надежд на «социализм с человеческим лицом», но и начало глубокого мировоззренческого кризиса для научного сообщества. КПЧ подверглась чисткам, в результате которых реформаторы были заменены на лояльных Москве карьеристов и членов партии, веривших в правильность нового курса. Мирная попытка реформ в рамках социалистической системы привела к прямо противоположному результату - усилению партийного диктата во всех сферах жизни.

Для чехословацкой интеллигенции ошибки сталинской модели стали очевидны ещё до XX съезда КПСС (1956 г.). Как отмечал диссидент Франтишек Яноух, вторжение 1968 года было во многом следствием реабилитации сталинских методов в управлении страной после прихода к власти Л.И. Брежнева [\[17\]](#).

Первоначальный шок от вторжения войск стран Варшавского договора не был кратким, потребовалось время, чтобы появились ростки принятия новой реальности, и научная интеллигенция стала одним из выразителей народного недовольства. Однако очаги протesta быстро подавлялись. Несмотря на это, в начале «нормализации» у оппозиции ещё сохранялись ожидания на изменение курса, начатого КПЧ [\[1, с. 304\]](#). Однако эти настроения быстро развеялись. Исключение из партии, увольнение с работы и запрет на профессиональную деятельность стали уделом многих активных участников «Пражской весны». Так, историк Милош Гаек (Hájek Miloš), в 1968-1969 гг. директор Института истории социализма, исключённый из КПЧ осенью 1970 года, перешёл к оппозиционной деятельности, заключавшейся в участии в «самиздате» и помощи политзаключённым, что он считал «скорее моральным долгом» [\[1, с. 326\]](#).

Словацкий философ, эссеист, публицист Милан Шимечка (Šimečka Milan), преподававший философию марксизма в VŠMU (Институт марксизма-ленинизма при Центральном комитете Коммунистической партии Чехословакии, аналог Университета марксизма-ленинизма в СССР) также исключённый из партии, должен был покинуть вуз и вынужден заниматься низкоквалифицированным трудом. Кроме того, ему было запрещено публиковаться. В своих, распространявшихся через «самиздат», он резко критиковал режим «нормализации», романтизировал «Пражскую весну» и видел в ней одну из последних попыток гуманизации социализма [\[11\]](#). Его тексты, наполненные философскими аллюзиями, призывали к личной ответственности человека перед собственной совестью, что можно расценивать как скрытый выпад против конформистов и карьеристов, обслуживавших режим.

К середине 1970-х гг. в среде оппозиции вызревло понимание невозможности реформирования существующей системы. Важным катализатором этого процесса стало

подписание ЧССР Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), который закреплял обязательства по соблюдению прав человека [\[12\]](#). На этой основе в конце 1976 года был создан программный документ, опубликованный 1 января 1977 г., - «Хартия 77», положивший начало одноимённому правозащитному движению [\[13\]](#).

Ядром диссидентского движения стала научная и творческая интеллигенция, использовавшая нелегальные клубы и «самиздат» для консолидации. Высокий уровень образования, международные связи и скрытые симпатии общества делали её главной угрозой для режима. Милош Гаек, участвуя в диссидентских собраниях («Вторники»), в декабре 1976 года подписал «Хартию 77» [\[1, с. 328\]](#). Позже он стал одним из издателей исторического журнала «Historické studie» в «самиздате» [\[1, с. 333\]](#), а в 1988 году -- официальным спикером «Хартии» [\[1, с. 334\]](#).

Милан Шимечка также присоединился к движению, его работы стали одними из самых публикуемых в «самиздате» [\[10\]](#). За свою деятельность он был арестован и провёл в тюрьме с 1981 по 1982 год, что серьёзно подорвало его здоровье.

Таким образом, Гаек и Шимечка представляют два разных типа сопротивления: первый делал акцент на теоретической работе и консолидации движения, второй -- на открытой, яростной публицистической критике режима. Оба верили в скорый крах дискредитировавшей себя системы и стремились оказаться в центре событий для построения нового демократического государства.

Для многих представителей научной интеллигенции единственным выходом стала эмиграция. Первая волна пришла на конец 1968-1969 гг., когда учёные, не смирившиеся с разгромом реформ, покидали страну. Следующая волна включала тех, кого власть лишила возможности заниматься профессиональной деятельностью, обрекая на бедственное существование. К этой группе принадлежал физик Франтишек Яноух (Janouch František, изучавший в 1949-1954 гг. теоретическую физику в Ленинградском университете, затем до 1959 г. -- аспирант МГУ им. Ломоносова, и сделавший успешную карьеру в Чехословакии. В 1968 г. он активно участвовал в политических событиях, был осужден, в 1970 г. выпущен из заключения, а в 1974 г. эмигрировал в Швецию. [\[7, с. 15-16\]](#).

С самого начала вторжения Яноух занял активную позицию: информировал западных коллег о ситуации, выступал с критикой оккупации на конференциях [\[7, с. 58\]](#). В речи перед комиссией, исключавшей его из КПЧ, он отверг обвинения в оппортунизме, осудил политику СССР и заявил, что без реформ 1968 года чехословацкое общество обречено на «вымирание» [\[7, с. 63-66\]](#). Его увольнение из Института ядерной физики и последующая судебная тяжба стали для него примером «погрома против учёных» [\[7, с. 79\]](#). Абсурдность ситуации доходила до того, что высококвалифицированные специалисты работали на парковках, а Яноух был разжалован из офицеров запаса в рядовые [\[7, с. 92, 167-168\]](#).

Важную роль для Яноуха сыграла дружба с советским диссидентом Андреем Сахаровым, начавшаяся после получения письма поддержки от последнего [\[7, с. 99\]](#). Ученый оценивал режим Гусака как «преступление против собственного народа» и продажу национального суверенитета [\[7, с. 183\]](#).

После переезда в Стокгольм в 1974 году Яноух включился в деятельность диссидентских кругов. Его жена участвовала в распространении запрещённых материалов, а он сам, установив контакт с Вацлавом Гавелом, основал Фонд «Хартии 77» в Швеции для финансовой помощи политзаключённым и их семьям [7]. Фонд занимался легальной отправкой техники (телефизоров, магнитофонов) в ЧССР с последующей нелегальной доставкой запрещённого видеоконтента [7].

В эмиграции оказался и философ, математик, публицист Эрнест Кольман (Arnošt Kolman) тестя Яноуха, человек уникальной судьбы. В период учебы в Карловом университете слушал лекции А. Эйнштейна, в годы Великой войны воевал на Восточном фронте, в Гражданскую войну в России встал на сторону большевиков, сотрудник Коминтерна, одно время -- профессор Московского университета. В 1945-1948 гг. жил в Чехословакии, являлся начальником отдела пропаганды и агитации ЦК КПЧ, читал лекции на философской факультете, но из-за своих радикальных взглядов вступил в конфликт с руководством КПЧ и был вынужден вернуться в СССР, где был арестован и оказался в тюремном заключении до 1952 г. Вернувшись в Прагу, он возглавлял в 1959-1962 Философский институт АН ЧСАН, был избран ее академиком. После конфликта с президентом А. Новотным в 1963 г. возвратился в Советский Союз. В 1976 году во время поездки к дочери и зятю получил политическое убежище в Швеции, отказался от членства в КПСС и отправил открытое письмо Брежnevу с критикой системы [3].

В своих мемуарах он анализировал «корни деформации социализма», видя их в установлении тоталитарного режима, сменившего диктатуру пролетариата на диктатуру партии, а затем -- на диктатуру Сталина [3, с. 265]. Он выделял три ошибки Ленина: допущение одно партийности, недооценку опасности сталинизма и создание замкнутой организации революционеров, ведущей к подавлению демократии [3, с. 267]. При этом Кольман до конца жизни оставался сторонником идей Маркса, веря в победу учения, основанного на «законы общественного развития» [3, с. 354].

Отдельный сценарий вынужденной эмиграции связан с экономистом, политическим и государственным деятелем Ота Шиком (Šík Ota), вступившим в ряды запрещенной в протекторате Чехия и Моравия КПЧ в 1940 г. Арестованный гестапо в 1941-1945 гг. он находился в концентрационном лагере. Вся последующая его жизнь была связана с партией и экономической наукой, он один из основателей чехословацкой марксистской политической экономии, догматизм которой привел его к четкому осознанию необходимости экономической реформы.

Уже будучи членом-корреспондентом ЧСАН (1960-1968), он постепенно стал представителем прогрессивного крыла в рядах КПЧ и известнейшим «лицом» Пражской весны. Августовские события застали его в Югославии. Не выезжая из этой страны, он подал в отставку с поста заместителя председателя правительства и принял приглашение университета в Базеле [6, с. 296, 305]. Он болезненно воспринял отказ от своих экономических реформ, что заставило его переосмыслить основы социализма. Шик пришёл к выводу, что ошибки были заложены не в сталинской или ленинской модели, а в ошибочном анализе капитализма самим Марксом, что с самого начала породило «имманентные заболевания» социализма [6, с. 342].

Несмотря на разные пути, всех этих деятелей объединяло первоначальное служение идеалам коммунизма и последующее глубокое разочарование, как области в теории, так и на практике, приведшее их в стан идеологического противника. В эмиграции они

занимались наукой, поддерживали диссидентов на родине и пытались переосмыслить причины краха социалистического эксперимента.

Третьей стратегией стало вынужденное принятие правил игры, или «молчание». Для многих аполитичных учёных возможность заниматься наукой в ЧССР была важнее политической борьбы, а перспективы эмиграции казались туманными. Этот компромисс позволял сохранить работу, относительные социальные блага и обеспечить карьерный рост.

Историк Мирослав Грох (Hroch Miroslav), преподаватель Философского факультета Карлова университета, в 1968-1989 гг. доцент, а затем профессор, столкнувшись с усилением цензуры, сознательно отошёл от идеологизированных тем и сосредоточился на исследовании Крестовых походов и истории Византии в сотрудничестве с женой [9, с. 33]. Его ключевая работа о национальных движениях малых народов Европы, опубликованная на Западе, осталась практически неизвестной в ЧССР, но впоследствии легла в основу современной теории национализма [9, с. 33]. Грох также занимался изучением исторической памяти, практически не участвуя в политической жизни.

Физик Франтишек Лагар, работавший в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне, был далёк от политики. Его интересовала только наука, и переезд в СССР был для него способом избежать партийного догматизма в Праге [4, с. 5]. Он поддерживал «Пражскую весну» и был шокирован вторжением, но осознанно держался за работу в Дубне, где учёные пользовались большей свободой, подавляя в себе идеологическое неприятие режима [4, с. 15].

Таким образом, стратегия «молчания» часто была не проявлением конформизма, а осознанным выбором в пользу сохранения и развития научного потенциала. После падения социалистического режима такие учёные, как Мирослав Грох, ставший историком с мировым именем, смогли в полной мере реализовать накопленный профессиональный капитал.

Библиография

1. Гаек М. Воспоминания о чешских левых. – М.; Спб., 2019.
2. Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу "Бархатной" революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989). – М., 2008. EDN: MVCPCH
3. Колман Э. Я. Мы не должны были так жить / предисл. Ф. Яноуха. – New York, 1982.
4. Лагар Ф. Сказки о золотой клетке. – Дубна, 1997.
5. Марьина В. В. Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к "Пражской весне" и после ее подавления 1968 год // "Пражская весна" (Историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. – М., 2010. – С. 695-704.
6. Шик О. Весеннее Возрождение – иллюзии и действительность. – М., 1991.
7. Яноух Ф. Нет, я не сожалею... Малая мозаика Периода "нормализации". – М., 2010.
8. Hanzal Jozef. Cesty české historiografie 1945–1989. Praha, 1999.
9. Hroch M. Studying nationalism under changing conditions and regimes: An intellectual autobiography (Essays). – Antwerpen: Peristyle, 2018.
10. Šimek M. Prof. RNDr., DrSc František Janouch (1931) // Příběhy 20. století TV [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.memoryofnations.eu/cs/janouch-frantisek-20170427-0> (дата обращения: 03.05.2020).
11. Šimečka M. Obnovení pořádku. – Londýn, 1984; Brno, 1990.

12. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/1986147 (дата обращения: 29.05.2020).
13. Хартия-77 // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/world_history/text/4730438 (дата обращения: 29.05.2020).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья посвящена комплексному анализу одной из ключевых проблем в истории социалистического лагеря – взаимодействия партийно-государственного аппарата и интеллигентской элиты в период политического кризиса. На примере Чехословакии эпохи Пражской весны автор предпринимает попытку выявить специфические черты, модели поведения и долгосрочные последствия этого взаимодействия. Рассмотрение данной темы является важным вкладом в понимание механизмов функционирования позднесоциалистических обществ и причин их последующей трансформации.

Предметом исследования выступают сложные и многогранные отношения между властными структурами ЧССР и научной интеллигенцией в переломный период 1968 года и в последующую эпоху «нормализации». Автор справедливо фокусируется не только на открытом противостоянии, но и на более тонких формах взаимодействия: вынужденном компромиссе, адаптации, внутренней эмиграции и поиске жизненных ниш для сохранения профессиональной и личной автономии. Такой подход позволяет выйти за рамки упрощенной дилеммы «диссиденты – режим» и показать весь спектр стратегий выживания и сопротивления научного сообщества.

Методологическая основа статьи является классической для исторического исследования. Автор применяет проблемно-хронологический подход, что позволяет последовательно раскрыть этапы эволюции взаимоотношений интеллигенции и власти. Широко используется институциональный анализ для изучения роли академических и вузовских структур. Наиболее сильной стороной является опора на биографический метод, что видно по привлеченной источниковой базе (мемуары, свидетельства современников). Это позволяет оживить повествование и показать исторический процесс через призму личного выбора и переживаний конкретных людей. Однако хотелось бы видеть более четкое методологическое позиционирование работы в рамках современных теорий (например, история науки, микроистории или теория социальных сетей), что придало бы анализу теоретическую глубину.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она вписывается в современный тренд переосмысления истории государств Восточного блока через призму повседневности, социальных практик и стратегий взаимодействия общества с авторитарными режимами. Во-вторых, поднятая проблема – поиск баланса между профессиональной этикой, личными убеждениями и давлением со стороны государства – остается интересной и для современного научного сообщества в разных странах мира. В-третьих, работа вносит вклад в понимание исторических корней гражданского общества в Центральной и Восточной Европе.

Научная новизна работы заключается в комплексном и детализированном рассмотрении именно научной интеллигенции как особой социальной группы со своими корпоративными интересами и специфическими каналами коммуникации с властью. В отличие от многих работ, фокусирующихся на политической оппозиции, данное

исследование уделяет внимание «тихому» сопротивлению в академической среде, роли научных школ и неформальных связей. Новизна также проявляется в привлечении широкого круга источников, включая чешские и российские публикации последних лет, что позволяет предложить более сбалансированную и многоаспектную картину.

Статья обладает четкой и логичной структурой. Во введении корректно сформулированы цели и задачи, в основной части последовательно раскрыты поставленные вопросы, заключение содержит обобщающие выводы. Стиль изложения соответствует жанру научной статьи — корректен, формален и насыщен фактическим материалом. Логика повествования четко прослеживается и облегчает восприятие сложного материала. Список литературы является одним из несомненных достоинств работы. Представлены ключевые монографии, работы, посвященные историографии, а также справочные материалы. Присутствуют как классические труды эмигрантских изданий и самиздата, так и современные научные исследования.

Автор демонстрирует хорошую осведомленность о существующих в историографии точках зрения, хотя прямая полемика с оппонентами в статье минимальна. Тезисы работы, тем не менее, косвенно полемизируют с упрощенными трактовками Пражской весны как сугубо политического события, а также с концепцией тотального подавления интеллектуальной жизни в период «нормализации». Автор показывает, что, несмотря на жесткий прессинг, научная мысль и корпоративная солидарность интеллигенции полностью уничтожены не были. Для усиления полемической составляющей можно было бы прямо указать, с какими конкретно исследователями и подходами ведется дискуссия. Автору удалось объединить политическую историю, историю науки и социальную историю, предложив многомерный взгляд на проблему. Использование как российских, так и чешских материалов, включая мемуары и электронные ресурсы, обеспечивает репрезентативность и достоверность выводов. Работа через биографии и судьбы конкретных ученых (Яноух, Шик, Колман) успешно раскрывает моральные и этические дилеммы, стоявшие перед интеллигенцией, делая историческое повествование более объемным.

Ключевой вывод статьи о том, что взаимоотношения власти и научной интеллигенции в ЧССР не сводились к тотальному противостоянию, а представляли собой сложный симбиоз давления, адаптации и различных форм сопротивления, представляется вполне обоснованным и доказанным приведенным в статье материалом. Этот вывод важен для отказа от черно-белых трактовок истории социализма и вносит вклад в понимание того, как авторитарные режимы на самом деле функционируют на микроуровне.

Статья, без сомнения, вызовет интерес у специалистов-историков, занимающихся историей Чехословакии, СССР и стран Восточного блока, историей науки и интеллигенции.

Представленная статья обладает значительной научной ценностью, соответствует высоким академическим стандартам и тематике журнала «Исторический журнал: научные исследования» и может быть рекомендована к публикации.